

Глава V. Луис Компанис перед НКТ и НКТ перед самой собой

Пленарное заседание членов организации назначило комиссию для аудиенции с Луисом Компанисом. Среди них — Гарсия Оливер, Дуррути и Аурелио Фернандес. Мы не знаем, в силу каких причин, но комиссия, несмотря на короткое расстояние между «Домом НКТ-ФАИ» и дворцом Женералитат, предпочла проделать этот путь на автомобиле. Машина подъехала на Площадь Хайме I и проехала по одноимённой улице до Площади Республики. Перед входом во Дворец, находилось подразделение Мосос д'Эскуадра. На перекрёстных улицах расположились гвардейцы-штурмовики, а также гражданские с повязками приверженцев каталонской автономии. Из автомобиля вышли представители НКТ и ФАИ, вооружённые с ног до головы.

«Глава Мосос д'Эскуадра встретил нас у главного входа Женералитат. Мы были вооружены до зубов: ружья, пулемёты и пистолеты. Бедно одетые и грязные от пыли и дыма.

— Мы — представители НКТ и ФАИ, Компанис ожидает нас, — сказали мы командиру. А с нами наша охрана.

Нас любезно поприветствовал командир Мосос д'Эскуадра и сопровождал до Пати-дельс-Таронжерс, где мы оставили охранников. Это место вновь превратилось в военный лагерь.

Заметно взволнованный, Компанис встретил нас стоя. Церемония представления была короткой. Мы сели, сжимая между коленями стволы винтовок. Вот суть сказанного Компанисом:

— Прежде всего я должен сказать вам, что с НКТ и ФАИ никогда не обращались достойным образом — так, как они заслуживают в силу своего значения. Вас всегда жестоко преследовали; и я, ранее беседовавший с вами — с горечью признаю, — также был вынужден по причине политических обстоятельств противостоять вам и преследовать вас. Сегодня вы — хозяева города и Каталонии, потому что именно вы победили фашистов, и надеюсь, вам не покажется неуместным, что в эти моменты я напомню вам о малой или большой помощи со стороны верных сторонников моей партии, гвардейцев и мосос, которые всегда были рядом с вами...

Он на мгновение задумался и продолжил:

— Правда в том, что вы, до позавчерашнего дня терпевшие суровые преследования, сегодня одержали победу над военными. Зная вас, я не могу изъясняться неискренне. Вы победили — и всё в вашей власти. Если вы не нуждаетесь во мне или не желаете видеть меня на посту президента Женералитат, скажите мне об этом сейчас — я стану одним из рядовых бойцов в борьбе против фашизма. Если вы, напротив, считаете, что на этом посту я позволил бы победить фашизму только через мой труп, то я, вместе с моими сторонниками, используя мои имя и авторитет, могу быть полезным в этой борьбе. Сегодня она, может быть, заканчивается в городе, но мы не знаем, когда и как завершится на всей территории Испании. Вы можете рассчитывать на меня и на преданность человека и политика, уверенного в том, что сегодня умирает всё позорное прошлое, и искренне желающего, чтобы Каталония шла во главе стран, достигших наибольшего прогресса в социальной сфере».

Гарсия Оливер пишет: «Нас позвали выслушать. Мы не могли взять на себя никаких обязательств. Кто должен был принять решение, так это наши организации. Мы сказали об этом Компанису (...). Компанис ответил нам, что в другом зале ожидали представители антифашистских сил Каталонии, и спросил, согласны ли мы, чтобы он, как глава правительства, собрал всех нас вместе. Компанис предлагал нам создать в Каталонии соответствующий орган для продолжения революционной борьбы с целью полного достижения победы».

Гарсия Оливер продолжает:

«Исполняя нашу миссию эмиссаров и информаторов, мы согласились пойти на предложенную встречу. Она произошла в другом зале, где, как нам уже сказал Компанис, ожидали представители “Левых республиканцев”, партии Рабассейров, Республиканского союза, ПОУМ и Partit Socialista (cat.) — Социалистической партии⁴². Я плохо помню имена — быть может, по причине поспешности и усталости тех дней, или потому, что я действительно не знал никого из них. Нин, Коморера и т.д. Компанис изложил перед нами целесообразность образования Комитета милиций, который бы смог направить в определённое русло жизнь в Каталонии, хаотичную после фашистского мятежа, и который приложил бы усилия для организации военных сил с целью противостояния повстанцам, где бы они ни атаковали, так как в те дни беспорядка на всей территории страны ещё не было достоверно известно о положении сражающихся сторон»⁴³.

Искренность, с которой якобы выступает Компанис, есть признание неординарной ситуации, которую он не в состоянии контролировать. А его политический реализм, адаптированный к обстоятельствам, заключался в завоевании доверия делегатов НКТ, когда он признаёт себя убеждённым в том, что пути назад нет. Дальнейшие события покажут, что целью той аудиенции Компаниса было не что иное, как желание выиграть время; это доказывает его разговор с Федерико Эскофетом за несколько часов до собрания и тотчас же после беседы с Коморерой, и официальные распоряжения, отданные им 20 июля, не ожидая при этом решений, которые должна была принять НКТ. Рассмотрим детально эти аспекты, уже отметив факт беседы с Эскофетом — настоящим трактатом политического макиавеллизма. По словам Мануэля Бенавидеса, сторонника каталанского сталинизма, Хуан Коморера настойчиво рекомендовал Компанису, что необходимо провести подрывные действия с

целью смещения НКТ и ФАИ с позиций, которые удалось занять обеим организациям. Этот план совпадал с политическим интересом Компаниса:

«Мы должны объединить наши усилия и организовать социалистические профсоюзы ВСТ, с тем чтобы они послужили оппозицией НКТ. Вы, господин президент, ни в коем случае не должны будете применять силу в эти моменты. Они должны попытаться гарантировать революционный порядок и поддержать образование военных подразделений, которые будут зависеть от Женералитат. Мы должны взять на себя задачу создать Армию. Анархисты и троцкисты будут вопить во всё горло, когда узнают об этом. Мы притворимся глухими. Как только у нас будут вооружённые силы, и мы восстановим прочное рабоче-крестьянское движение, то будем командовать на фронте и защитим экономию в тылу, вместо того чтобы совершать революцию, что сейчас не является нашей целью»⁴⁴.

Ночью 20 июля Луис Компанис подводил баланс своего рабочего дня. Он счёл его настолько положительным, что, собравшись со своими советниками, принял решение согласиться с предложением, которое он сам сделал НКТ на тему образования «организма, способного руководить борьбой». Луис Компанис представлял себе этот орган как нечто вроде хунты политического-военного-народного характера, в подчинении Департамента или Совета обороны Женералитат. Декрет, подготовленный им этой ночью и опубликованный 21 июля в Официальном бюллетене Женералитат Каталонии, не оставил никакого сомнения в его политических намерениях. Создавались Гражданские милиции для защиты Республики. Главой этих милиций должны были бы стать команданте Энрике Перес Фаррас и его политический советник Луис Прунес и Сато, советник Обороны Женералитат. В качестве декрета Автономного правительства в отношении милиций упомянутый документ — единственный в своём роде. Согласно нашим сведениям, он даёт начало Центральному комитету милиций Каталонии и определяет его прерогативы. Это указывает на то, что официально Центральный комитет милиций Каталонии не располагал законным разрешением Автономного правительства и поэтому представлял из себя не что иное, как орган, установленный революцией. Хайме Миравитлес, говоря об упомянутом Центральном комитете милиций, пишет: инициатива основания этого совета солдат исходила от анархистов. Они не хотели участвовать в правительстве, потому что это шло вразрез с их идеями. Так, они позволили правительству продолжать свою работу. Однако на самом деле в дальнейшем именно милиции и их Комитет осуществляли реальную власть. Правительство продолжало действовать для показухи⁴⁵. Из всего сказанного мы можем сделать вывод, что именно резолюции исторического регионального пленума НКТ, имевшего место 21 июля, изменили функции декрета Компаниса о милициях, или, выражаясь точнее, полностью игнорировали его.

Всё это подводит нас к описанию работы этого Пленума НКТ, на котором делегация, встретившаяся с Луисом Компанисом, информировала о переговорах между НКТ и Правительством Женералитат.

Об этом Пленуме НКТ, проведённом 21 июля 1936 года, недоброжелательные критики анархизма писали много, однако сами заинтересованные — весьма мало. Этот факт приводит к тому, что любой новый подход к этому вопросу нуждается в документах, которые, когда придёт время, будут опубликованы. Тогда более глубоко будет

проанализировано сказанное на этом региональном заседании НКТ. Мы, со своей стороны, попытались на основе первичных документов воссоздать преобладавшую в те моменты атмосферу и характер самих выступлений.

В отношении этого Пленума Федерика Монтсени написала нам следующее:

«С самых первых минут делегаты высказали идею — ошибочную или нет — о поддержке антифашистского фронта, организованного на улицах, в разгар сражений (...). Это заседание проводили не испуганные и нерешительные люди, принявшие решение создать Центральный комитет милиций Каталонии, а те, кто чувствовал себя вправе найти наиболее соответствующий метод продолжить борьбу. Они осознавали, что начатый процесс должен быть продолжен».

Далее Федерика Монтсени пишет:

“ «...Никому не пришла в голову идея прихода к власти путём революции, даже Гарсии Оливеру, единственному из всех, имевшему убеждения, наиболее близкие к большевистским. Это случилось после того, как стал очевидным размах движения и народных инициатив. Именно тогда начались дискуссии: что можно и что должно делать, идти до конца или нет. Всё это было сказано ясно и категорично»⁴⁶.

Хосе Пейратс пишет, что вопрос о власти представился как дилемма со стороны Гарсии Оливера: идти до конца или согласиться с политическим сотрудничеством остальных политических сил, оставляя Луиса Компаниса на посту Президента Женералитат. Пейратс избегает критического анализа и пишет в качестве комментария: «Мы не будем здесь анализировать справедливость такой оценки. Без сомнения, большинство влиятельных активистов восприняли создавшуюся реальность одинаково. Голоса несогласных потонули в пустоте; молчание других было настоящей тайной. Среди протестовавших без какого-либо результата и участников пленума, сохранивших молчание из-за недостатка мужества, коллаборационистская идея проложила дорогу (...)». Пейратс завершает неудобную тему, задавая ряд вопросов: «Была ли проанализирована эта сложнейшая проблема анархистами и синдикалистами в должной мере? Были ли исчерпаны все ресурсы при рассмотрении последствий такого рискованного решения? Были ли взвешены спокойно и обстоятельно все “за” и “против”? Были ли использованы в качестве иллюстративных примеров события предыдущих революций? Правда в том, что победил критерий коллаборационизма “все за всё”, или “диктатура анархистов” на самом деле не обязательно является неизбежной⁴⁷».

Гарсия Оливер — диссонирующая составляющая в этом вопросе, — разъясняя эту непростую ситуацию, пишет нам:

«Считаю необходимым объяснить тебе, что, оценивая значение идеи: идти или нет до конца (красивое иносказание, которое я использовал именно для того, чтобы избавиться от использования термина “приход к власти”, в те дни настолько модного), лучше использовать комплексный термин (имея в виду радикальную революцию), а не тоталитарную, что ошибочно проскальзывало в наших текстах той эпохи (...). Если бы тебе

удалось прочесть протоколы того пленума, то ты смог бы ознакомиться с содержанием моего выступления, длившегося более часа, в котором я разъяснил мою идею и скудные аргументы моих оппонентов: Сантильяна, Монтсени и др. Позже была проведена другая пленарная ассамблея, на которой я, после подтверждения моих тезисов и ввиду неясностей Марианета (в то время секретаря каталонской НКТ), относительно “без необходимости идти до конца мы всё равно могли бы контролировать ситуацию с позиций на улицах” был вынужден высказаться, что такого рода мнения не представляли из себя ничего серьёзного (...), так как комплекс проблем революции (на примере России) требовал прихода к революционной власти со стороны НКТ»⁴⁸.

Тезис Гарсии Оливера не был одобрен, и приняли решение — за исключением голоса делегатов из Бахо Льобрегат — высказаться за сотрудничество с остальными политическими секторами, чтобы «поддерживать действия антифашистского фронта, родившегося в уличных сражениях». Сторонники такой идеи сочли, что демократическое сотрудничество спасало революцию от диктаторского тоталитаризма, даже со стороны анархистов.

Наиболее конкретным документом является доклад НКТ на съезде МАТ в декабре 1937 года. Делегация НКТ на этом Чрезвычайном международном съезде состояла из Хосе Ксены, Давида Антоны, Орасио М. Прието и Мариано Вáскеса. В нём говорится следующее: «Был создан Центральный комитет антифашистских милиций Каталонии, координационный орган сражающихся сил на фронтах. Наше анархистское движение одобрило этот Комитет, но до того нужно было разрешить наиглавнейший вопрос нашей Революции: антифашистское сотрудничество или анархистская диктатура. Мы выбрали сотрудничество. Но почему? Леванте показал себя нерешительным и колеблющимся, в его казармах войска не прекращали бунтовать, группы рабочих, вооружённые винтовками и серпами, сражались в горах, север страны представлял из себя нечто неизвестное, и остальные регионы Испании, казалось, находились во власти повстанцев. Противник находился в Арагоне, у самих ворот Каталонии, и мы не знали об истинном состоянии его сил как на национальном, так и международном уровне (...). Революция неожиданно появлялась перед самими революционерами — и перед ними вставала задача руководить и направлять её, причём её глубина и размах были скрыты от них. В те решающие мгновения Революции обстоятельства привели нас к решению сотрудничать с другими антифашистскими силами. Нужно иметь в виду, что обстоятельства в этом случае составляют комплекс фактов и политических, общественных, военных, географических и экономических ситуаций, которые мы упомянули. С другой стороны, налицо было нервное напряжение иностранных представительств — оно выразилось в присутствии в наших портах огромного количества военных кораблей, дислоцировавшихся в Средиземном море (французских и английских) (...). С самого начала наша Революция обратила свой взор внутрь нас самих. Другого пути не было. Мы ничего не могли ожидать из-за рубежа. Чтобы избежать риска потерять свободу, жизнь и свои мелкие интересы, ни один из руководителей международного пролетариата не был заключен в тюрьму по причине поддержки испанской Революции. Никто из них не расстался с жизнью из-за проявления солидарности с нами. Благодаря действиям фашистских и демократических правительств не произошло ни одной забастовки, ни волнений для противостояния нашему безвыходному положению. Только вне рамок акций солидарности международного пролетариата в Испанию прибыли тысячи рабочих, чтобы разделить и

прожить вместе с нами нашу огромную трагедию (...). Народ, поднявшийся на Революцию, создаёт движение масс и не может остановиться, чтобы просто наблюдать за ним. Либертарное движение избрало единственный путь, уготовленный ему безразличием и отстранением международного пролетариата. Его собственная Революция означает адаптацию к своим возможностям...»⁴⁹.

Пейратс в завершение своего документа формулирует ряд вопросов, причём не отвечает ни на один из них — быть может, потому, что, как боец и свидетель событий, знает, что не может дать академического ответа. Кропоткин на страницах своих произведений пишет, что необходимо понимать революцию как длительный процесс отсутствия равновесия, в котором, прежде чем достигнуть его, должно пройти через различные формы испытаний. Роль, которую анархисты должны играть в таком процессе, заключается в препятствовании созданию структуры власти любой ценой, структуры, замещающей разрушенную, потому что любая власть, установившаяся сразу же после свергнутой, непременно будет консервативной и контрреволюционной⁵⁰. Нет никакого сомнения, что Кропоткин прав, и в этом смысле исторический опыт преподаёт нам урок. Однако одно дело — теоретизировать, а другое — находиться перед лицом такого крупномасштабного события, которое происходило в Испании. В нашем случае, считаем, вопрос о власти был решён с чрезвычайной поспешностью, что воспрепятствовало видению «глубины революции», которая указана в докладе. И нет сомнения, что, если бы одобрили тезис Гарсии Оливера, проблема революции тотчас же разрешилась бы. Создание Центрального комитета милиций Каталонии, по сути, не являлось ошибкой. Также не было ошибочным согласиться с сотрудничеством других революционных сил, как, например, социалистических тенденций от ВСТ и ПОУМ. То, что, вероятно, можно считать просчётом, — так это оставить нетронутым Правительство Женералитат, потому что, на первый взгляд, согласно теории Эскорсы, такое решение представляло некое преимущество. На самом же деле, ввиду значимости событий, этот факт должен был превратиться в могильщика революции. Тем не менее, и мы думаем, что в этом заключалось будущее испанской революции, ей не хватало необходимой связки, для того, чтобы она стала заразительной и последовательной на местном и международном уровнях. В силу характера в основном рабочей организации успех основывался на эффективном и революционном альянсе НКТ и ВСТ — иными словами, говоря с точки зрения географической и социальной, — дополнения: Мадрид — Барселона. И такая связка в действительности не имела место 19 июля в Испании. Пока в Барселоне, как мы далее увидим, пролетариат разрушает все буржуазные структуры и создаёт революционный фундамент, позволивший Центральному комитету милиций Каталонии свести на нет действие правительство Женералитат в течение нескольких месяцев, в Мадриде благодаря влиянию партии социалистов не только не затрагиваются буржуазные структуры, но, напротив, они же укрепляются и придают жизненную энергию почти умирающему государству. Причём даже не имеет место факт двойственности власти, которая могла бы нейтрализовать государственные структуры, как произошло в Барселоне. Вся драма испанской революции состоит, в нашем понимании, в огромном пропорциональном весе анархизма, с одной стороны, и в существовании социал-демократии, одинаково мощной, — с другой. Революция должна была изменить такое соотношение сил путём рабочего альянса, который мог бы найти собственные оригинальные формы организации. Как мы увидим далее, они возникли повсюду, но без должной последовательности.

Побеждёнными на Пленуме НКТ оказались самые мощные вдохновители революции, то есть Дуррути и Гарсия Оливер. Но ни один из этих побеждённых не счёл себя таковым. И хотя они подчинились принятым резолюциям, каждый из них начал действовать, расширяя охват революции в рамках, которые она сама создавала. Гарсия Оливер выйдет за пределы схемы, установленной для Центрального комитета милиций, а Дуррути будет продвигать на территории Арагона либертарную революцию без политических пут.

Версия #2

Зверобой создал 19 июля 2025 00:47:31

Зверобой обновил 17 августа 2025 19:29:21